употреблено в заглавии к одному из документов (стр. 58), причем это заглавие составлено уже в XIX в.

Слово «персона» в XVII в. употреблялось в несколько ином произношении («парсуна») для обозначения портрета. Но «персона» как лицо встречается лишь в XVIII в. Единственное исключение находим в речи шведского посла Эриксена в 1590 г., в переводе которой читаем: «...государь наш своею персоною болен».[17] По причинам, указанным выше, при рассмотрении слова «банкет», считаем и этот пример не характерным.

Слово «реестр» в картотеке Института языкознания встречается впервые в сочинениях князя А. Курбского: «А ты всех книг, которая что в себе имеет, приписавый, реестра посылаю до вашей милости»,[18] затем под 1658 г.: «...и по реестру подать» (литовцам) и под 1674 г.: «...в реестре писать, которые старые казаки...».[19] Эти примеры также нельзя считать характерными для русского литературного языка XVI и XVII вв., так как лексика Курбского вообще находилась под сильным западным влиянием, а две последние цитаты относятся к литовцам и украинским казакам, среди которых слово «реестр» было употребительным уже в XVII в.

Остается еще выражение «движимое и недвижимое имение» стольника Нардина-Нащокина, наследником которого он сделал Фрола Скобеева. Слово «имение» в значении имущества очень давнее. Его можно встретить в летописях, в житиях. Но приведенное сочетание слов появляется только в XVIII в. Нам оно встретилось впервые под 1716 г., когда подполковник драгунского эскадрона Григорий Жеребцов писал в своем челобитии, что после его отца «остались движимые и недвижимые имения».[20]

Кроме указанных, в «Повести» имеется еще немало слов и оборотов, незнакомых XVII в.; например: «вечеринка», «во время увеселительных вечеров», «поверенный с делами», «живет роскочно».

Таким образом, рассмотрение иностранных слов, встречающихся в «Повести о Фроле Скобееве», приводит к следующему заключению. Отдельные слова находим в памятниках более раннего происхождения. Однако можно отметить лишь один случай, когда иностранное слово встречается в частной переписке, притом у автора, находившегося под сильным западным влиянием. Во всех же остальных случаях интересующие нас слова находятся в официальных документах, и преимущественно дипломатических (большей частью иностранного происхождения). Поэтому их употребление никоим образом не может указывать на то, что они вошли в русский литературный язык. В данном отношении характерно объяснение Кургановым слова «банкет».

Итак, перечисленные примеры показывают, что «Повесть» довольно обильно насыщена иностранными словами, неупотребительными в русском языке XVII в., причем эти слова и выражения встречаются с некоторыми вариантами во всех списках. Поэтому их нельзя считать позднейшими вставками. Таким образом, терминология «Повести» указывает на XVIII в., а не на XVII.

О том же говорят и денежные суммы, указания на которые встречаем в «Повести». Фрол щедро раздает «чаевые», как бы мы теперь сказали. Один раз он дает мамке Аннушки два рубля, потом пять рублей. Для XVII в. это очень крупные суммы. За пять рублей можно было тогда ку-

---

[17] Сборник Русского исторического общества, т. 129, стр. 132.
[18] РИБ, т. 31, Лист князя А. Курбского до Марка, ученика Артемия, стр. 417.
[19] ДАИ, т. IV, стр. 138; СГГД, ч. IV, стр. 308.
[20] Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате, т. 6. СПб., 1881, стр. 117.